

Бежать она уже не могла.

Да и куда было бежать, если деревня окружена, если в кустах вдоль речки разрываются в хриплом лае собаки, если всюду стреляют, особенно в той стороне, у Немковского леса, если по земле катится огонь...

Чувствуя, что сил у нее осталось на шаг-другой, не больше, и тогда повалится, зашибет собой дочушку, которая слабо вздрагивает у груди, Ольга обессиленно остановилась посреди улицы.

Пот и слезы застилали глаза. Дышала она тяжело и не могла отдышаться, воздух, сухой и горячий, саднил в горле.

Где-то сзади, совсем близко, выстрелили – показалось, и она почему-то подумала об этом спокойно – возле уха треснула сухая ветка. Тявкнула, глуховато, протяжно и жалобно заскулила собака, похоже, деревенская, дворняжка. Немецкие овчарки яростно лают, готовые разорвать любого – она это не раз видела, знает...

А ноги тем временем подкосились, Ольга стала медленно опускаться на горячий, как свежая зола, песок, закрыла руками горячее личико дочушки, подумала: «Что ж это будет?»

Конечно, она знала, что сделают каратели с женщиной из партизанской зоны, если увидят ее. Они, предчувствуя свою близкую гибель, лютовали как никогда, нет, они не пожалеют Ольгу и ее больную дочушку, совсем обессиленную, застывшую у нее на руках... Вон они, Борки, Подлипые, Коршуки, близлежащие деревни от Ольгиной – лежат в черных еще дымящихся руинах... Вчера их сожгли... Вместе с жителями... А сегодня на рассвете очередь дошла и до ее деревни. Каратели еще вчера вечером окружили ее и, если кто ночью пытался пробраться по ржаному клину за огородами к кустам у реки, его хладнокровно убивали на лужке, отделявшем поле от речки.

Немецкие овчарки не переставая лаяли всю ночь, не иначе как набрасывались на каждого, кто пытался убежать; вспыхивали в небе ракеты.

Ночью Ольга тоже хотела бежать, но так и не смогла успокоить дочушку – та аж заходила в плаче. Лишь под утро, когда стрельба перекинулась в другой конец деревни, к полю, Ольга решилась.

Она выбралась из малинника у забора, в котором пряталась, подхватила на руки Верочку и по ржи кинулась к реке. Рожь вызрела, колосья хлестали ее по рукам, шуршали, зерно насыпалось в обувь и покалывало ступни.

У самого лужка Ольгу обогнал Демьян Коструба, сосед, ветхий дедок, однако еще подвижный, когда-то первый говорун. Он хотел что-то ей крикнуть, но впереди него из густого лозняка грохнул выстрел. Демьян на мгновение застыл с раскрытым ртом, схватился руками за грудь и медленно повалился в рожь, затих.

Упала и Ольга, заслонив собой дочушку, но в нее почему-то не стреляли, наверное, не заметили – она бежала пригнувшись, а может, пожалели, все же женщина с дитем...

Она долго лежала, затаившись во ржи, а из кустов время от времени доносились выстрелы. Ольга понимала, что ей и дочурке не спастись –

на лужке они будут как на ладони, а если и проскочит его, то за речкой до самого леса голое поле, ровное, как стол.

«Пережду тут, – решила она, – неужто это никогда не кончится?..»

Теперь лай овчарок отдалился в другой конец деревни, и Ольга подумала, что каратели отходят по дороге на Бобруйск, перевела дух, малость успокоилась. Верочка уже не кричала, а только время от времени всхлипывала.

Но расслабляться было преждевременно – в носу вдруг защекотало, остро запахло дымом, совсем рядом загудело, словно в печи.

Рожь горит!..

Ольга подняла голову, забыв на миг, что ее могут заметить из кустов и застрелить, содрогнулась от ужаса: по ржи катился вал пламени, оставляя после себя широкую черную полосу пепла. Пепел слегка вихрился, воздух прокалился, клубы дыма ползли вверх, солнце, скользившее сквозь него, казалось раздавленным, как переспелая клюква.

Крепче прижав к груди дочушку, Ольга, пригибаясь, повернула в деревню и, хотя не надеялась найти там спасение, ноги сами несли ее подальше от огня.

Но и в деревне гудел огонь. Горели постройки, горели почти без дыма, ветер гнал пламя из конца в конец, словно разматывал огромный огненный клубок. Пламя ползло по стенам хат, лизало соломенные крыши, заборы, растекалось по скошенной под яблонями траве. Яблоки лопались и обугленные падали на землю...

Ольга опустилась на землю и закрыла руками лицо дочушки. Горячий воздух вновь волной окатил Ольгу, обжег ее всю, особенно руки и, показалось, что у Верочки оборвалось дыхание. И Ольга, едва не теряя сознание, нашла в себе силы набрать полный рот воздуха, подождала, пока он, опаливая нёбо (а может, показалось?), отдаст жар, начала вдыхать его маленькими глотками Верочке.

Девочка вновь встрепенулась, из уголков ее закрытых глаз выкатились слезинки.

Ольга потянулась вытереть их, но не успела – слезы высохли сами...

– Мама, пить...

Ольга, услышав слабый голос дочушки, будто вернулась в прежнее нормальное состояние, прошептала:

– Не плачь, моя ясочка... Не плачь, хорошая... Разве ж я кому тебя отдам?.. Скоро папка наш вернется, скоро... Нету водички, потерпи...

Покачивая Верочку, она сидела посреди улицы, молила Бога, чтобы заснула ее дочушка и, если что случится, чтобы ничего уже не слышала и не видела. Ольга уже перестала верить в свое спасение и словно смирилась с этим, когда думала о себе. Но ее доченька...

А Верочка, убаюканная, затихла, даже зевнула и бессильно опустила худенькие ручки.

Тогда Ольга, продолжая покачивать ее, прошептала:

– Спи, спи, моя ясочка, все минется, пройдет... Теперь уже скоро...

Ольга и сама будто успокоилась, попробовала привстать с земли и на мгновение застыла с широко открытыми глазами: прямо на нее по улице, усыпанной головнями, не спеша шли два немца и полицейай.

Полицая она узнала сразу – низкий, сутуловатый, с собакой на поводке. Ридняк из соседней деревни.

Заметив, что она глядит в их сторону, гитлеровцы и Ридняк остановились. Солдат (второй немец был в офицерской форме) заученно сунул

правую руку под ремень винтовки, висевшей у него на плече, поймал приклад, неторопливо начал наводить дуло на Ольгу.

Ольга кинулась было бежать, однако ноги не слушались. Тогда она подумала, что все равно не убежит, не поймают на мушку, так пустят собаку, и та порвет и ее, и дочушку...

В этот миг она вспомнила Петра, как он до войны приходил к ней в Черобомир, когда она еще работала наймишкой у отца этого самого Ридняка, и его, Петра, не трогали хозяйские собаки, хотя каждого чужого готовы были загрызть. Петро говорил тогда, что от собак не нужно убегать, а идти на них смело. Они лают, лают да на том и сядут... «Нет, ни шагу...» – приказала она себе.

Но на нее была наставлена винтовка, Ольга будто чувствовала, как по лбу ползет холодная железная мушка, повернула дочушку лицом к груди...

Она стояла и ждала, а мушка все ползла по ее лбу, казалось, уже впивалась в кожу, пот катился по вискам, по щекам, Ольга никогда еще не ощущала такого горько-соленого привкуса на губах...

Офицер тем временем что-то сказал солдату. Тот равнодушно забросил винтовку за плечо, сделал шаг в сторону. Собака натянула поводок, намотанный на руку Ридняка, вильнула хвостом, тихо заскулила, царапая когтями землю.

– Ком!.. – сказал офицер и поманил Ольгу пальцем, требуя, как она поняла, чтобы подошла.

Медленно, будто во сне, не чувствуя под ногами земли, не видя ничего вокруг, кроме фашистов и Ридняка с собакой, Ольга направилась к ним. Остановилась шагах в пяти, ожидая, что будет дальше. И вдруг расслабилась, снова на мгновение будто забыла, где она и что с нею: рыжая собака, хоть и большая, но дворняга, каких в деревне было полно до войны, совсем не похожая на овчарку, по-прежнему тихо скулила, виляла хвостом, то подымала, то опускала черные уши, натягивала поводок, рвалась к ней. Это же Галус старого Ридняка, у которого она батрачила! Петро, когда приходил к ней на свидание, давал Галусу то кость, то хлеба, чтобы не лаял и не будил хозяина.

Первое, о чем подумала в эту минуту Ольга, – просить сына Ридняка, чтобы заступился, не брал на себя грех за нее и дочушку. Степан, какой он ни есть, пусть себе и полицай, однако ж ее знает. Он и на службу до войны ушел вместе с ее Петром, это уже когда гитлеровцы пришли, так он неожиданно в деревне объявился... Люди поговаривали: «Дезертир».

– А Степочка! – подалась она к нему, покачивая дочушку. – Хоть ты за меня слово замолви...

– Замолчи! – рявкнул полицай и от негодования подскочил. – Я тебе покажу – Степочка! Да ты командирка!

Офицер, молодой, может, и двадцати пяти не было ему, пристально глядел на нее, на то, что происходит между нею и полицаем – она никогда не видела таких глаз: холодные, бесцветные, безо всякого проблеска света. Затем, не снимая черных кожаных перчаток, вытащил из кармана белоснежный носовой платок, произнес:

– Почему не убегать?

Ей показалось, спрашивает сочувствуя, и если б она не подошла к ним, а побежала, то запретил бы стрелять по ней, он и сейчас не позволил солдату, и Ридняку не позволит ее обижать.

Едва шевеля пересохшими губами, она проговорила:

– Как же?.. Дитя у меня занемогло... Ножики...

– Большой киндер? – будто удивился офицер.

Она кивнула.

– Поставит, поставит на земля! Шнель!

Офицер аккуратно сложил носовой платок и спрятал его в карман.

Ольга застыла: как поставить?.. Верочка совсем не держится на ногах.

Офицер поглядел на нее, усмехнулся. И в тот же момент, словно дождавшись этой холодной усмешки, к Ольге, как по приказу, подскочил Ридняк. Она близко увидела его желтые, ощеренные зубы, налитые кровью глаза.

– Станови! Пан офицер приказали! Ну!..

– Не трогай! – бросила ему прямо в лицо. – Понял?

Офицер захохотал, зааплодировал, и было понятно кому.

Тогда Ридняк попытался вырвать из ее рук Верочку, но Ольга отстранилась, а он, дернув за уголок платка, стащил его с ее головы, сбил косточки пальцев об увесистую фляжку, висевшую у него на поясе.

По плечам Ольги рассыпались густые черные волосы. Офицер подступил к ней вплотную и кулаком несильно ткнул в подбородок.

– Кто? Юда?

Ольга молчала.

И тогда Ридняк вновь подскочил к ней и часто дыша, будто за ним гнались, залопотал:

– Все равно! Жена командира! Голодранка!

– О! – удивился офицер и посмотрел на Верочку. – Большой киндер?

– Ножики... Застудила я дочушку, всю зиму в беженцах...

Ольга сказала это так, будто себя упрекала в том, что не смогла в заснеженном лесу уберечь дочушку.

– Поставит, поставит, – настаивал офицер. – Я есть доктор.

– Слышишь? – заорал Ридняк. – Пан офицер приказывают!

Заорал и, видимо, полагая, что на этот раз она не посмеет его ослушаться, поспешно отступил от нее, оттаскивая и собаку на поводке. Ольга попробовала осторожно поставить на землю дочушку, поддерживая ее под мышки. Верочка, когда она ссаживала ее с рук, открыла глаза, заплакала, цепляясь ручками за юбку. Ольга тотчас же подхватила ее на руки, начала успокаивать.

– Мама, пить, – простонала Верочка.

– Тише, моя ясочка, не плачь, хорошая. Видишь, Галус тут, хорошая собачка.

Собака, услышав «Галус», снова заскулила.

А Ольга вспомнила, как она носила три года дитя на руках, ни на минуту не оставляя на кого бы то ни было, носила в беженцах, позже – по лесам, когда нужно было срочно передать партизанам сведения о местном гарнизоне... Не один раз она пряталась с Верочкой от карателей в болотах, она спала с ней, крепко прижав её к груди, она берегла свою ясочку пуще зеницы ока...

Её Петро, который еще до войны, когда она батрачила на Ридняка, каждый вечер прибегал к ней на свидания и с которым они поженились в сороковом году, ушел на службу годом раньше – в тридцать девятом. Служил в Бобруйске, в крепости, был каким-то младшим командиром, и она часто навещалась к нему – благо её деревня была недалеко от города. Петра отпускали из части в увольнительную, и они отправлялись в городской парк. Там играл духовой оркестр, было хорошо. Петро

говорил, что его посылают учиться и, как только присвоят офицерское звание, он заберет её к себе. А когда перед самой войной Ольга призналась, что у них будет ребёнок, Петро, ей показалось, нахмурился. Она тогда обиделась, подумав, что он не рад, а он сказал ей:

– Любимая моя, время беспокойное... Если вдруг что случится со мной, береги и себя, и дитя. А мы, мужчины, свой долг выполним.

Не поняла она его в ту минуту, а беда не заставила себя ждать... Верочка родилась в первый месяц войны. Петро так и не увидел дочку... И вот не уберегла её Ольга, хворает дочушка, не становится на ножки...

– Командир? – словно из-под земли долетело до неё. Ольга будто пробудилась, едва шевельнула сухими губами:

– Не знаю. Он ушел на действительную. Я ничего о нём не знаю.

– Говорит правда? – офицер странно усмехнулся.

Ридняк, похоже, только и выжидал момент, чтобы в который раз наброситься на Ольгу, он аж затанцевал вокруг немцев.

– Командир, командир, пан офицер! Я же в его взводе был. А как вы пришли, да часть в окружение попала, я винтовку ихнюю закинул подальше в болото, поджидал вас в деревне... А её мужик взвод повел дальше, на фронт.

– Я ничего про мужа не знаю, – вымолвила она уже не столько, чтобы оправдать себя, а самой себе.

– А что, Ольга, – зло прищурился на нее Ридняк, – я же знаю, твой Петро тогда искал меня. Ты думаешь, пожалел бы? Нет, не пожалел бы... А теперь ты в моих руках. А?..

Ольга с трудом подняла глаза, поглядела на него. Заметила, как болезненно подёргивается его левая щетинистая щека.

– Жаль, что не нашли они тогда тебя, пса бешеного, – тихо, будто сама себе проговорила она. – Но подожди, скоро твоя веревочка кончится, чуешь ли погибель свою, поскудь?

– Это мы ещё поглядим! – процедил сквозь зубы Ридняк.

– Не корошо, – покачал головой офицер, – не корошо... Я – доктор, ребенок лечит.

Потом он что-то сказал солдату по-немецки, тот пристукнул каблукми, снял с плеча винтовку.

– Пан офицер, – аж затрясся Ридняк. – Советы отняли у меня все, отец от горя сошел в могилу, а вы лечить?..

Офицер вяло указал ему на его место – словно отмахнулся от Ридняка, тот умолк, потянул за собой собаку, ждал, нахохлившись, в сторонке, что будет дальше.

Став полицаем, Ридняк не раз наведывался в деревню, не однажды сапогом отбрасывал от себя дверь Ольгиной хаты. Он всегда таскал за собой собаку, может, боялся, чтобы его кто не пристукнул или, когда набирался самогонки, как свинья грязи, чтоб не утащили винтовку.

– Фрау будет работать в Германия, корошо жить... – офицер глядел куда-то мимо Ольги. Куда?

Деревня догорала. Там, где еще несколько часов назад стояли хаты, где зеленели сады, где колосился яровой клин, теперь чернели разворошенные ветром головни да обугленная земля. А может, он смотрел дальше, за испепеленную деревню, в поля, посреди которых вздымались в небо дымы, – там, где еще стояли деревни, не умолкали выстрелы. Может, он жалел, что зря тут теряет время с женщиной, у которой ко всему больной ребёнок, вот там бы он...

Ольга же глядела на них, немцев и полиция, на собаку, которая, высунивши длинный влажный язык, следила за ней, словно ждала, как раньше, когда же она даст ей хлеба, и сердце её холодело: что это они надумали?

Верочка вновь очнулась и заплакала. Слезы опять покатались из уголков её глаз и теперь уже не высыхали.

А Ольга в который уже раз за минувшие сутки принялась утешать дочушку:

– Не плачь, Верочка. Посмотри, и собачка тут, хорошая собачка... Верочка, открыв глаза, задержала затуманенный взгляд на собаке, слабо потянулась ручкой в её сторону, и едва заметная улыбка тронула её посиневшие от холода и голода губки.

Видимо, эта слабая детская улыбка отозвалась в Ридняке злой трясучкой, и он саданул каблуком сапога собаку в живот. Собака встрепенулась, сложила уши, взвыла от боли...

– Пан офицер...

Ридняк не договорил. Офицер подошел к Ольге, глядя ей прямо в глаза, сдернул с рук перчатки, неторопливо достал из кармана мундира небольшую пробирку с желтыми таблетками.

Ни о чём не догадываясь, Ольга инстинктивно прижала к себе дочушку, спотыкаясь, сделала несколько шагов назад.

Офицер высыпал себе на ладонь три таблетки, протянул их Ольге. Она резко покачала головой, не взяла.

– Три дня капут! – сказал офицер.

И только теперь до Ольги дошло: он хочет, чтобы она извела со света дочушку.

– Нет! Нет! – закричала она. – Ни за что!.. Нет!!!

– Очень плёхо, – словно в огорчении сказал офицер и повернулся к Ридняку. Тот мгновенно выпрямился, дернул собаку за поводок. Однако Галус заупрямился, заставил себя тащить по земле – на ней оставались глубокие следы от когтей.

– Слушаю, пан офицер!

– Собака...

– Галус, взять, взять!.. Ну?!

Собака отчаянно заскулила, шерсть вокруг ошейника вздыбилась. Ридняк подскочил к собаке, наматывая на руку поводок, и снова, теперь уже изо всей силы, пнул её в живот тяжёлым, чёрным от гари сапогом. Собака ощерилась, злобно зарычала на хозяина, из пасти показалась пена...

– Звери! – выдохнула Ольга. – Разве ж можно так...

Она видела, как офицер побледнел, нервно расстегнул кобуру, висевшую у него на животе, – в руке блеснула вороненая сталь пистолета.

В первое мгновение Ольга отшатнулась, сжалась, стараясь прикрыть телом дочушку, а когда ощутила у виска острую мушку и ствол, выпрямилась и отпрянула в сторону, едва не упала, наступив на скользкую головню.

– Ну! Драй дня, капут!.. Или мы убьём фрау и киндер!

Клацнули затворы винтовок – солдата и Ридняка. Ей показалось, что вокруг стало тихо, лишь где-то возле уха гудит пчела. В глазах потемнело, и будто сквозь закопченное стекло Ольга увидела пожарища и крохотный коричневый островок обгорелой ржи посреди поля.

– Звери!.. – вновь исторгнули её губы.

В эту минуту ворохнулась на руках Верочка, простонала:

– Мама, пить...

– Терпи, дочушка, терпи...

– Пить она просит!.. – зло выкрикнул Ридняк.

– Вода?

– Так, так, пан офицер.

– Фрау пьёт лекарство сама. Киндер жить, фрау – нет. Мы пустим фрау, идет в лес... Или мы убьёт фрау и киндер. Вода!

Ридняк отстегнул от пояса фляжку, протянул Ольге. Офицер, представив пистолет теперь уже к личику ребенка, высыпал Ольге на ладонь три таблетки.

Ей показалось, что его палец медленно нажимает курок, ещё мгновение и...

– Нет!.. – закричала она. – Нет! – торопливо бросила таблетки в рот, ощутила жуткую горечь, потом поднесла фляжку к ротику Верочки, наклонила и, чувствуя, как дочушка жадно пьёт, облегченно вздохнула.

«Ничего, у меня еще три дня, – подумала она, даже не допуская мысли, что её могли обмануть, что и её, и Верочку все равно могут убить. – Неужто за эти дни никого не найду?..»

Она бросила пустую фляжку под ноги Ридняку, повернулась и неторопливо пошла прочь. Шла между пепелищ, через горячий чёрный ржаной клин к лознякам. Шла и ничего не видела вокруг, только шептала дочушке: «Скоро папка наш вернется», пока не услышала выстрел там, где остались её враги.

Она вздрогнула, подумала, что промахнулись, потом услышала жалостливый отчаянный визг, обернулась, еще один выстрел долетел оттуда...

Сквозь слезы, теперь они больно застилали глаза, Ольга видела три силуэта, которые покачивались, будто растворялись, исчезали с земли, а посреди улицы катался большой серый клубок.

...К людям она вышла на пятые сутки.